

Галина Комарова

Женский портрет в научном интерьере

Идея интервьюирования женщин-антропологов из разных стран (США, Канада, Франция, Япония, Великобритания, Голландия, Германия) возникла у меня весной 2006 г. во время пребывания в Вашингтоне. Там (в Вудроу Вилсон Центре) мне довелось в течение полугода общаться с представительницами самых различных научных сообществ, школ, направлений, взглядов, объединенных при этом общими профессиональными интересами и, самое главное, искренней симпатией и любовью к народам России и бывшего СССР. Все эти исследовательницы давно и плодотворно работают в различных регионах постсоветского пространства и проводят в экспедиционном поле не только месяцы, но и годы. Более двадцати зарубежных ученых, известных исследовательниц советской и постсоветской антропологии, с неподдельным воодушевлением приняли участие в проекте и ответили на мои вопросы. Вернувшись в Россию, я обратилась с аналогичной анкетой к тем своим российским коллегам (женщинам-антропологам/

**Галина Александровна
Комарова**

Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН, Москва

этнографам), чьи научные интересы и/или экспедиционные «поля» в той или иной степени совпадают со сферами научной деятельности моих зарубежных респонденток. Так появилось несколько бинарных интервью, составивших серию «Женский портрет в научном интервью».

Почему именно «женский портрет»? Почему только женские интервью? Прежде всего, потому, что круг моих зарубежных коллег составили в основном женщины активного исследовательского возраста, что определило, в свою очередь, и основные параметры российской выборки. И в этом нет особого умысла или специального гендерного подхода. Конечно, существует мнение, что женский душевный опыт своеобразен во всех своих проявлениях, в том числе и в профессиональном творчестве. И именно на его основании женщина-этнограф якобы способна найти истинную меру вещей, выявить, сохранить и передать особое знание и т.д. Конечно, было бы небезынтересно проверить эти представления, уже достаточно прочно укоренившиеся в сознании части академического сообщества. Однако при формировании выборки я, разумеется, ставила на первое место не пол и возраст коллеги, а наличие способностей к исследовательской работе и профессиональные достижения, т.е. основным критерием выбора, главным требованием было то, чтобы (по словам Г.В. Старовойтовой) «пол человека не был его потолком».

Участницами предлагаемого вам интервью стали Елена Петровна Батянова (далее — Е.Б.) — к.и.н., старший научный сотрудник отдела Крайнего Севера и Сибири ИЭА РАН (Москва) и Юкари Нагаяма (далее — Ю.Н.) — к.и.н., научный сотрудник Slavic Research Center, Hokkaido University (Япония).

Участницы интервью — сложившиеся ученые, имеющие большой опыт полевой этнографической работы и разработки серьезных исследовательских проектов. Как профессионалы, они владеют всеми секретами своего ремесла: от искусства глубокого и длительного общения с респондентами, воссоздания в этнографических трудах образов этих людей в контексте их культур и до мастерства теоретического обобщения. Хочу надеяться, что эта публикация вызовет интерес читателей, позволит лучше понять проблемы и состояние современной науки, принесет взаимную пользу представителям различных научных сообществ, а также сможет послужить стимулом для продолжения тех интеллектуальных дискуссий, что столь активно и весьма интересно велись в начале 1990-х гг. на страницах «Этнографического обозрения» под рубрикой «Размышления о судьбах науки». Думается, что некоторые грани мастерства и опыта участниц интервью будут интересны и полезны, прежде

всего для молодых коллег, начинающих свой научный путь, а их «размышления о судьбах науки» внесут свою лепту в осмысление некоторых проблем современной этнографии/этнологии.

Г.К. Я бы хотела начать интервью с того, чтобы вы, уважаемые коллеги, рассказали о своем пути в науке.

Ю.Н. Я научный сотрудник Slavic Research Center, Hokkaido University. Изучаю алюторский язык, относящийся к чукотско-камчатской языковой группе. Начиная с 1999 г. я ежегодно езжу на Камчатку и в течение 2–3 месяцев провожу там полевые исследования.

Е.Б. Я этнограф. Работаю в отделе Крайнего Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН в должности старшего научного сотрудника. Изучаю культуры народов Южной Сибири (преимущественно телеутов) и Крайнего Северо-Востока Сибири (чукчей, коряков, чуванцев). С 1973 г. почти ежегодно выезжаю в этнографические экспедиции. Интерес к этнографии проявился у меня с детства и во многом благодаря моей матери Батьяновой Екатерине Петровне. Она окончила географический факультет Московского педагогического института имени Ленина и преподавала географию в одной из школ г. Карачева Брянской области, где жила наша семья. У нас в доме с дореволюционных времен была большая домашняя библиотека, значительную часть которой составляли книги по географии, истории, этнографии: труды Элизе Реклю, Фриггофа Нансена, Г.Н. Потанина, В.К. Арсеньева и др. Родители регулярно выписывали журнал «Вокруг света». Еще в раннем детстве я узнала, что существует наука, которая изучает народы и культуры. По окончании школы я поступила в Орловский государственный педагогический институт и получила специальность учителя русского языка и литературы. Два года работала учительницей в Новосибирской области, в местах расселения барабинских татар — потомков древних сибирских аборигенов. В 1970 г. поступила в Московский государственный университет с твердым намерением стать этнографом, и моя дипломная работа была посвящена этнографии барабинских татар. Все мои дальнейшие этнографические исследования также были посвящены народам Сибири.

Г.К. Юкари-сан, какие жизненные (научные) пути-дороги привели Вас в Россию (СССР)? Как и почему Вы начали заниматься нашей страной? Кто или что повлияло на выбор тематики Ваших исследований? Как Вы впервые попали в российское (советское) экспедиционное поле?

Ю.Н. Я давно интересовалась Россией. Возможно, прежде всего сказало влияние отца, который всегда любил русскую ли-

тературу, а в молодости изучал русский язык. Думаю, что он заинтересовался Россией, потому что там похоронен его отец (мой дедушка). Он попал в русский плен и там погиб. Поступив в университет, я выбрала русский язык как второй иностранный. На третьем курсе мы, студенты, должны были выбирать еще один язык для выполнения дипломной работы. Я очень хотела изучать какой-нибудь язык в России, но не знала, что выбрать. Мой первый научный руководитель занимался эскимосским языком, и он хотел, чтобы его ученики тоже занимались языком этого народа. В то же время другой профессор собирался ехать в экспедицию на Чукотку. Старшие студенты мне посоветовали: если я буду изучать чукотский язык, профессор, возможно, возьмет меня в поле. Я сказала руководителю, что выбрала чукотский язык, но оказалось, что еще один аспирант уже выбрал чукотский язык, поэтому профессор посоветовал мне заняться другим языком, например корякским. Позже я написала дипломную работу по корякскому языку, при этом не видя своими глазами ни одного коряка.

Нездолго до окончания университета к нам приехал профессор с Камчатки с лекцией о корякском языке. После лекции он предложил мне работать в их институте и преподавать японский язык. Я сразу согласилась и поехала в Петропавловск-Камчатский, где прожила три года (с 1994 по 1997 гг.).

Там же в 1997 г. я случайно познакомилась с носителем алюторского языка (он тогда представился как коряк). На следующий день мы начали заниматься алюторским языком. Через два месяца я нашла работу в Палане — столице Корякского автономного округа. С 1997 по 1998 гг. я жила в Палане: до обеда ходила на уроки корякского языка, после обеда преподавала японский язык, а вечером занималась с носителем алюторского языка. Так я жила целый год.

Корякский с алюторским очень похожи. В Палане ведутся уроки только корякского языка, но все равно это помогало мне изучать алюторский язык.

После работы в Палане я вернулась в Японию и поступила аспирантуру, чтобы продолжать свои исследования.

Г.К. Юкари-сан и Елена Петровна, кого вы считаете своими учителями в науке?

Ю.Н. Своими учителями в науке я считаю профессора Осахито Мияока, специалиста по эскимосскому языку, который был моим первым научным руководителем и познакомил меня с языками малочисленных народов, и профессора Джиро Икегами, специалиста по уйльгинскому (орокскому) языку. Ему 86

лет (1926 г.р.), а он все еще продолжает исследования, не теряя интереса к науке.

Е.Б. Своим Учителем я считаю профессора кафедры этнографии МГУ Льва Павловича Лашука (1925–1990), ученого огромной эрудиции и необычайной требовательности к себе, своим работам и своим ученикам. Его книга «Введение в историческую социологию» (М., 1975) намного опередила свое время. Апологет системного метода в этнографии, Лев Павлович учил своих студентов и аспирантов исследовать этнографические факты и явления во всем многообразии их структурных и функциональных связей и обязательно в историческом контексте. Своим ученикам он нередко цитировал заповеди Л.Я. Штернберга, которым сам неукоснительно следовал: «Почитай великих предшественников, учителей, дабы и тебя чтили по заслугам твоим; не убивай науки фальсификацией фактов, поверхностными неточными наблюдениями, скороспелыми выводами». Л.П. Лашук всегда остается для меня недостижимым примером беззаветного служения науке.

Среди ученых, оказавших наибольшее влияние на формирование моих научных пристрастий и подходов, я хочу отметить также выдающегося российского историка, этнографа, археолога Леонида Павловича Потапова (1905–2000), автора фундаментальных трудов по этнической истории и культуре алтайцев, шорцев, тувинцев, хакасов. Леонид Павлович всегда поражал меня широтой научного кругозора, интуицией, масштабностью своих исследований.

Университетский преподаватель, блестящий лектор, известный филолог Виктор Григорьевич Смолицкий пробудил во мне интерес и любовь к фольклору, ставшему важной составляющей моих этнографических изысканий.

Своим учителем полевой этнографии я считаю доктора исторических наук Илью Самуиловича Гурвича (1919–1992), возглавлявшего в течение 20 лет сектор Крайнего Севера и Сибири в Институте этнологии и антропологии РАН. Мне посчастливилось работать под его руководством и ездить с ним в экспедиции на Камчатку в 1984–1985 г. и на Чукотку в 1987–1990 гг. Эти поездки чрезвычайно обогатили мой полевой опыт и этнографический кругозор.

Существенное влияние на меня оказал известный в нашей стране и за рубежом профессор-тюрколог Севьян Израилевич Вайнштейн, у которого я постоянно учусь профессионализму. Впрочем, я стараюсь учиться у всех моих коллег этнологов и историков.

Г.К. Выдающаяся представительница американской антропологии, бывшая в 1966–1967 гг. Президентом AAA, Фредерика де Лагуна считала, что «антропология отличается от других научных дисциплин. Это — образ жизни». Подтверждается ли это наблюдение в Вашем случае или на примере Ваших коллег?

Ю.Н. Я считаю, что все научные дисциплины, которые требуют полевых исследований, похожи в этом смысле. Если антропология — образ жизни, то археология, геология, биология и др. — тоже образ жизни.

Е.Б. Любая наука и любая профессия, если человек очень ими увлечен, определяют его образ жизни, становятся им. Это зависит не столько от характера научной дисциплины и профессии, сколько от степени увлеченности, поглощенности ими.

Г.К. В 1920–1930-е гг. советские этнографы после окончания университета уезжали в изучаемую группу на «этнографический стационар» и годами занимались там не столько исследованием культуры, сколько практической работой, оказывая разнообразную помощь местному населению. В результате многие уходили из профессионального поля, переставали быть этнографами. Известны ли Вам такие случаи в истории науки?

Ю.Н. Возможно, и были такие случаи, но я не слышала.

Е.Б. Я знаю многие случаи, когда этнографы, лингвисты, работавшие среди северных народов учителями, руководителями красных яранг, преподавателями техникумов, совпартшкол и пр., не оставляли своих научных изысканий. Среди таких ученых можно назвать Сергея Николаевича Стебницкого (1906–1941) — создателя корякской письменности, организатора первых корякских школ, автора многих работ по языку и этнографии коряков; Илью Самуиловича Гурвича, выпускника исторического факультета МГУ, проработавшего четыре года учителем в якутском поселке Оленек, впоследствии известного специалиста по истории и этнографии Северо-Востока Сибири; Иннокентия Степановича Вдовина (1907–1996), школьного учителя, ставшего ведущим специалистом по этнографии чукчей и коряков, Марию Яковлевну Жорницкую (1921–1995), занимавшуюся постановкой сценических танцев у народов Сибири и одновременно изучавшую этнохореографию этих народов. И таких примеров очень много.

Г.К. Традиция длительного этнографического стационара, которой всегда славилась наша отечественная этнографическая наука, в последние десятилетия оказалась прерванной по целому ряду причин. Ныне ведется дискуссия о необходимости ее восстановления. Одни считают, что длительная (от шести месяцев до двух лет) полевая работа (в том числе и «в качестве сельско-

го учителя в среде изучаемого народа») не только полезна, но и необходима. Другие утверждают, что в современных условиях непрерывное (более 2–3-х месяцев) пребывание в поле «непродуктивно по чисто профессиональным причинам».

Является ли длительный этнографический стационар обязательным элементом профессионализации и творческой деятельности исследователя?

Каково Ваше мнение на этот счет?

Ю.Н. Я считаю, что длительное пребывание среди изучаемого народа крайне полезно. Причем полевые исследования нужно проводить в разные времена года. Иначе как нарисовать полную картину жизни народа, если исследователь бывает в поле только летом? Да, существует мнение, что длительное пребывание в поле непродуктивно, но ведь дело не только в этом. Ведь продуктивность — не единственная цель полевого исследования.

Е.Б. Длительность пребывания в поле и характер полевых исследований должен определять для себя сам этнолог. Этот выбор во многом обуславливается характером исследователя, его стилем и методом работы. Для одного ученого удобно работать, выезжая один раз в год на один-три месяца в течение долгих лет. Другой исследователь предпочитает жить среди изучаемого народа год, два или больше. Я считаю, что каких-то общих жестких рекомендаций на этот счет быть не может.

Г.К. Изучали ли Вы в студенческие годы «Методику полевых исследований»?

Ю.Н. В нашем университете не было таких занятий. Сейчас преподаются подобные курсы для простых студентов, чтобы они познакомились с наукой и работой антропологов/лингвистов. Также преподаются философия или литература, но не все выпускники пойдут этой дорогой.

Е.Б. Методика полевых исследований была обязательным предметом на кафедре этнографии МГУ, где я училась. Помимо этого на кафедре преподавалась и полевая практика. За годы учения в МГУ я трижды побывала в этнографических экспедициях. В общей сложности они продолжались около пяти месяцев.

Г.К. Российский/советский этнограф, подолгу работавший в одном и том же этнографическом поле, обычно становился другом изучаемой общины: учил, лечил, решал социальные проблемы, оказывал гостеприимство и самую разнообразную помощь своим респондентам. Но это, как правило, не воспринималось самим ученым как исследовательская работа.

Продолжаете ли Вы общение с Вашими информантами «во внерабочее время», вернувшись из поля? Известно ли Вам о существовании подобной практики среди японских исследователей? И можно ли рассматривать ее как продолжение научной работы?

Ю.Н. Мои информанты часто жалуются, что ученые (в том числе русские) «пропадают», когда они возвращаются домой: не звонят, не пишут, пока не запланируют следующую экспедицию.

Я стараюсь поддерживать общение с информантами, да и не только с информантами, но и с теми людьми, с которыми я познакомилась во время экспедиции. Звоню, пишу письма, когда выходит новое издание по моей теме, посылаю им, но должна признаться, что звоню и пишу им не так уж часто.

Подобная «практика» вряд ли считается научной работой. Но если исследователь в поле работал и подружился с людьми, то общение с ними, как правило, продолжается и в дальнейшем.

Е.Б. Я очень часто общаюсь со своими информантами и во вне-рабочее время. Многие из них являются близкими и дорогими мне людьми. Приезжая по своим делам в Москву, они нередко подолгу живут у меня. Общение с этими людьми вне поля очень многое дает мне как этнографу.

Г.К. За всю историю науки лишь немногим исследователям удалось достичь полного погружения в изучаемую группу. Даже легендарный Н.Н. Миклухо-Маклай, имя которого носит наш институт, так и остался для папуасов Новой Гвинеи «Человеком с Луны» и «чужаком». Как Вы думаете, что необходимо для того, чтобы стать «своим» для изучаемой группы?

Ю.Н. Это невозможно, да и не нужно. Чужой никогда не становится своим. Мы должны знать, что мы — чужие и приезжие, у которых есть работа и семья в другом месте. Мы родились в другом мире, выросли в другой культуре. Даже когда информанты говорят, что мы стали «своими», нельзя понимать эти слова буквально. Мы не прошли с ними их историю и трудности в тяжелые для них годы. Надо понимать, что мы еще ничего про них не знаем. Если приезжий исследователь считает себя «своим» для них, это, на мой взгляд, довольно бестактно.

Е.Б. Считаю, что не надо стараться непременно стать своим. Такие старания нередко бывают фальшивыми и навязчивыми. Достаточно того, чтобы к тебе относились с пониманием, а чтобы достичь этого, надо с тем же пониманием и уважением относиться к окружающим. Сближение с людьми должно происходить естественно. Для кого-то в поле ты станешь своим, для кого-то так и останешься чужим.

Г.К. Юкари-сан, оппозиция «свой/чужой» обычно определяет на начальном этапе стержень взаимоотношений группы и ее исследователя — представителя иной культуры. Для очень многих людей в России Вы, вероятно, были первой иностранкой, с которой они повстречались в своей жизни. Вы приехали в общину «чужой», но спустя какое-то время стали «своей»! Как происходило изменение образа «чужого» на разных стадиях общения? Удалось ли Вам наблюдать какой-либо процесс формирования самоидентификации членов группы через общение с Вами? Ведь «чужой» в процессе самоидентификации не всегда обязательно бывает негативным или враждебным. При условии, если этот «чужой» переосмыслен как мифический, он может воплощать «идеальное я». Или же, как еще один полюс идентичности, он может быть нейтральным: «иной», «другой» и т.д.

Ю.Н. В поселках, где я регулярно провожу исследования, бывали ученые из разных стран. Но многие из них приезжают или очень редко, или, раз проведя исследование, потом навсегда пропадают. И местные жители привыкли к такому образу общения. А я приезжаю к ним практически каждый год. Когда люди узнали, что я собираюсь с ними работать не один сезон, а долгое время (надеюсь, до конца своей научной жизни), кажется, они стали смотреть на меня по-другому. Так что я не была первой иностранкой для местных жителей. Моя внешность (азиатская), конечно, способствовала тому, что респонденты меня принимали за «свою». И в первое время это очень помогало. Например, один очень пожилой человек стал называть меня «сестрой» потому, что в свое время, как он сам мне рассказывал, «японцы увезли с собой его родного брата». Но я не считаю себя «своей» для них. Как бы долго я ни бывала у них, «чужая» всегда останется «чужой». Разве мы относимся к ним как к «своим»? Связываемся с ними так же часто, как со своими родственниками? Помогаем им материально? Готовы взять их к себе, когда они постареют? Мы — гости, и никто другой.

Г.К. Вопрос, связанный во многом с предыдущим, звучит так: «Как Вы полагаете, какое влияние Вы (Ваше пребывание и работа) оказали на членов изучаемой группы?»

Ю.Н. Я заметила, что после общения со мной некоторые люди почувствовали, стали лучше понимать, что их культура, язык представляют большую ценность, что знание родного языка и культуры — это очень важная вещь. Особенно молодежь стала больше проявлять интерес к языку и культуре своего народа. А жители отдаленных поселков просто радуются гостям и гордятся тем, что к ним приезжают гости из-за границы.

Е.Б. Мое пребывание в аборигенных общинах обычно оживляло у их представителей интерес к собственным традициям. Люди вспоминали свои старинные обычаи, песни, сказки, свою родовую принадлежность, вели споры о правомерности использования тех или иных этнонимов и генонимов. Не только я задавала им вопросы, но и они постоянно спрашивали меня об этнической истории своего народа, традициях. Поэтому мне приходилось выступать с лекциями в клубах, школах, писать статьи для местных газет.

Г.К. Как жизнь и работа в России (СССР) повлияли на Вас, как личность и как ученого?

Ю.Н. В полевой работе я общаюсь с людьми разного возраста, разной национальности, разных профессий и разного уровня образования. Чувствую, что после работы в России я больше стала думать о других и стала относиться к людям более внимательно.

Е.Б. Ответ на этот вопрос неоднозначен. С одной стороны, я смогла в полной мере приобщиться к замечательным традициям российской антропологической (этнографической) школы, восходящей к В.И. Татищеву, Г.Ф. Миллеру, С.И. Крашенинникову, а также приобрести богатый полевой опыт, связанный с ежегодными экспедициями в Южную Сибирь, на Чукотку, Камчатку и в другие регионы России. С другой стороны, мои возможности вовремя и в необходимой мере изучить опыт зарубежных антропологических школ были ограничены.

Г.К. Российские этнографы старшего поколения до сих пор вспоминают, какой переполох в начале 1970-х гг. произвела поездка английского антрополога Каролайн Хамфри в бурятский колхоз. При этом никто не сомневался, что за ней тогда был установлен негласный надзор. А как Вас принимали местные власти: оказывали сопротивление или помогали в работе? Каково отношение российских чиновников к Вашей работе в современной России?

Ю.Н. (смеется). А у меня не будет неприятностей, если мой ответ об отношениях с местными властями будет опубликован?

Е.Б. Мои отношения с местными властями в разных поездках складывались по-разному. По моим наблюдениям, в советское время власти с большим уважением, чем сейчас, относились к этнографам. Но и в те времена у этнографов случались конфликты с властями. Так, в 1995 г. после того как И.С. Гурвич на основе наших экспедиционных материалов написал в Комитет Севера докладную записку о проблемах коренного населения Корякского автономного округа, местные власти послали в тот же Комитет коллективное письмо с резким опровержением со-

вершенно очевидных фактов социальной несправедливости, приведенных в этой записке.

В 1999 г. во время моей экспедиции на Чукотку глава администрации одного из селений настойчиво требовал, чтобы я не проводила исследования в их поселке, находя для своих претензий ко мне всякие необоснованные предлоги. По-видимому, он боялся, что я каким-то образом могу вынести сор из избы. Обычно власти не препятствуют этнографической работе, но я предпочитаю контактировать с ними только в случаях крайней необходимости.

Г.К. Каждый «опытный» полевик знает, что этнографический стационар не имеет ничего общего с этнографическим туризмом. Полевая работа, особенно одиночные выезды, во многих регионах мира, в том числе и в России, таит в себе не только много интересного, но, помимо бытовых неудобств, и много опасного. Например, если изучаемая группа ведет полукочевой образ жизни в тайге, тундре, пустыне; проживает в районе межнациональных конфликтов или в зоне повышенной радиации. Какие проблемы и трудности встретили Вы в своей полевой работе в нашей стране? Как Вы их преодолевали?

Ю.Н. Мои экспедиционные проблемы чаще всего связаны с оформлением документов и транспортом. В частности, чтобы провести полевое исследование на Камчатке, мне необходимо получить оттуда «вызов». А так как власти часто меняют правила, то я постоянно встречаю трудности в оформлении визы. Для оформления визы надо иметь вызов-оригинал с разрешением от МВД. А на Камчатке нет отделения, которое может этого сделать, и приходится высылать документы с Камчатки в Хабаровск, а оттуда — опять на Камчатку. Только после этого мне в Японию смогут послать вызов. Это занимает очень много времени (около трех месяцев).

Вторая моя экспедиционная проблема — транспортная. С некоторыми поселками, где я провожу исследования, нет налаженной транспортной связи. Случается, вертолеты летают туда несколько раз в месяц, но нерегулярно, так что надеяться на них нельзя. Зимой еще можно добраться на «Буране», а летом — большие сложности. Иногда удается найти «попутный» катер на берегу моря и договориться с его хозяином, чтобы доплыть до ближайшего прибрежного поселка. Но оттуда нужно еще добираться в выбранное для исследования селение, что тоже очень нелегко. На местные самолетики купить билет очень сложно, к тому же их рейсы часто переносятся или отменяются. Вовремя вылететь практически невозможно. Всегда приходится ждать как минимум несколько дней. Бывало, что

я не могла улететь две недели. Но ничего не поделаешь. Надо привыкать и рассчитывать больше времени на поездки.

Е.Б. В этнографических экспедициях я сталкивалась с теми же трудностями, которые испытывало большинство жителей исследуемого региона. Но я всегда воспринимала их как естественные условия экспедиционного быта и рассматривала подобные проблемы как необходимое условие того, чтобы в полной мере понять и почувствовать жизнь людей, культуру которых ты изучаешь. Экспедиционные трудности обычно связаны с транспортом, отсутствием бытовых удобств, необходимых продуктов. И преодолевать их мне зачастую помогали местные жители и местные власти.

Г.К. А какие интересные случаи, занимательные истории из Вашей экспедиционной жизни Вы могли бы вспомнить?

Ю.Н. Интересных случаев у меня было очень много. Один из них я называю «Снегоход». Однажды местные жители из одного поселка помогли перебраться мне в другой. Так как это случилось в апреле, когда днем было слишком тепло, чтобы ехать на снегоходе «Буран», мы решили выехать в ночь, т.е. поздно вечером. Дорога должна была занимать 2–3 часа. Так случилось, перед дорогой мы не успели поужинать, хотя местные жители обычно обязательно это делают. Мы выехали в 23 часа на двух «Буранах»: два каюра, четыре пассажира и много груза. К сожалению, оба снегохода были очень старые, поэтому они ломались один за другим. В результате мы останавливались через каждые 15 минут. Пока ремонтировали один «Буран», второй замерзал и переставал работать. Так повторялось несколько раз. Когда мы — пассажиры — совсем замерзли, то решили пройти некоторое расстояние пешком, чтобы согреться. И пошли налегке, надеясь, что снегоходы отремонтируют и нас скоро подберут. Но шли мы очень долго: спустились с первого склона — нет «Бурана»; перевалили через второй склон — опять нет. И так прошло два часа. Мы постояли на дороге и передохнули. Очень захотелось пить и есть, а у нас ничего с собой не было. Никто не ожидал, что так долго придется идти. К счастью, отправляя меня в дорогу, мои корякские друзья дали свою традиционную корякскую одежду и обувь: в них было легко и тепло. А тем, у кого были тяжелые шубы и сапоги, идти было особенно трудно.

Вначале мы шли все вместе. Но со временем одни ушли вперед, другие стали отставать. Было очень морозно. Мы были очень уставшие и голодные. И лишь чудом никто из нас не пострадал в ту ночь. Только под утро, часов в 7, снегоходы нас догнали и подобрали. Когда мы приехали в поселок, нас сразу стали кормить. А тут позвонили из поселка, откуда мы уехали вечером.

Люди переживали за нас, пропавших в тундре. Хозяйка дома шутя ответила, что мы только что «пришли» в поселок. Наши друзья не понимали, как это мы «пришли», если из их поселка уехали на снегоходах. Потом мы им рассказывали про наши приключения и при этом долго смеялись.

Помню еще случай, связанный с «Бураном». Мы с местным жителем переезжали реку на снегоходе. Это было весной, мы провалились в полынью. В результате намokли все мои вещи (в том числе полевые тетради, диски с научными записями, паспорт, деньги, билеты), и я сама чуть не утонула.

Произошла также со мной история под названием «Ботулизм». Однажды мы с местными жителями ели квашеный нерпичий лап в сыром виде. Через три дня всем стало очень плохо. Лишь через неделю был поставлен диагноз — ботулизм. Нас чудом спасли, но мы могли запросто умереть. После того случая у меня возникли проблемы со зрением. Вообще, в каждой экспедиционной поездке случается множество разных историй.

Е.Б. Для меня каждый день моего пребывания в поле был заполнен интересными случаями и занимательными историями. Они отражены в моих полевых дневниках. В ближайших выпусках «Полевых исследований института этнологии» планирую опубликовать отрывки из своих дневников.

Г.К. Юкари-сан, как Вы считаете, насколько реально в современных условиях, чтобы российский антрополог мог осуществлять проекты, подобные Вашим, работая в Японии? Что для этого ему необходимо, помимо желания работать, хорошего знания языка и достаточного финансового обеспечения?

Ю.Н. Трудно сказать. Для антропологов не так уж много грантов существует в Японии. Если только найти партнера, с которым можно провести совместный проект, то еще можно попробовать. Но для этого важно, чтобы японский коллега имел постоянную работу в университете или в институте. Но мне кажется, что антропологи и лингвисты обычно работают в одиночку, поэтому вряд ли кто-то согласится работать с зарубежным антропологом.

Г.К. Среди недостатков российской этнографии начала 1990-х гг. назывались, в частности, такие, как «явная феминизация и позднее становление исследователя». Согласны ли Вы с тем, что «половозрастная структура профессии влияет не только на эффективность научного труда, но и на выбор тем, постановку вопросов, исследовательский стиль и манеру оформления результатов»? Имеют ли какую-либо корреляцию, с одной стороны, пол и возраст исследователя и, с другой — «конформизм и бесстрастность»; сентиментальная доверчивость и строгий

скептицизм; глобальное теоретизирование и тщательная дескриптивность; и еще многие антитезы в исследовательском процессе»?

Ю.Н. У каждого возраста и пола есть свои плюсы и минусы. Опытная исследовательница в одной ситуации может отметить то, на что молодой аспирант не обратит внимания, а в другой — бывает и наоборот. Стиль и манера исследования зависят, на мой взгляд, не столько от возраста и пола ученого, сколько от характера человека, его опыта, воспитания и многих-многих других факторов. Считаю, что для науки все подходы полезны. Пусть больше людей занимаются наукой. И пусть возраст или пол не становятся препятствием на этом пути.

Е.Б. Позднее становление исследователя в советской науке было характерно не только для этнографии. Творческая свобода молодых исследователей в значительной мере была ограничена, и нередко талантливый человек просто не успевал из-за традиции позднего становления в полной мере раскрыться как ученый. Вместе с тем в долгосрочном научном становлении были и свои положительные моменты: ученый приобретал за этот период богатый научный опыт, необходимый для плодотворной исследовательской работы в дальнейшем.

Что касается феминизации в этнографии, то еще в 1990-х гг. она была не так заметна, по крайней мере в регионах Крайнего Севера, которыми я занимаюсь. В любом случае, считаю, что пол не влияет на выбор тем, постановку проблем, стиль и манеру оформления результатов и т.д.

Г.К. Селективная природа человеческого знания беспокоит представителей разных наук. В гуманитарных исследованиях проблема осложняется еще и тем, что ученый, познающий культуру иных сообществ и эпох, сам историчен. И от этого, как утверждает Адам Купер, исследователя не спасает даже метод включенного наблюдения. Есть ли у Вас свои рецепты преодоления селективного субъективизма в научном исследовании?

Е.Б. Я предоставляю своим информантам полную свободу самовыражения, стараясь максимально, с фотографической точностью фиксировать все. В своих работах я иду порой «на поводу» у материала, стараясь как можно меньше в него вмешиваться.

Г.К. Одна американская исследовательница в своей книге пишет: «Сила антропологического метода — в терпении!». Согласны ли Вы с этим очень интересным и неординарным наблюдением?

Ю.Н. Согласна только наполовину. Я считаю, что все области науки, не только наша, требуют от исследователя огромного терпения.

Е.Б. «Сила антропологического метода — в терпении»... Я согласна с этим наблюдением. Хотя можно добавить, что успех исследования состоит не только в терпении, но и в доброжелательности, человечности, толерантности и других достоинствах ученого. Терпение и труд — это не только сила антропологического метода, но и всего другого.

Г.К. Посоветуйте, пожалуйста, молодым исследователям (как российским, так и зарубежным), как им подготовиться для успешной полевой и научной работы в России.

Ю.Н. Вот несколько советов тем молодым коллегам, которые планируют заниматься Россией. Во-первых, старательно изучайте язык, прежде всего обязательно русский, а также язык того народа, с которым вы собираетесь работать. Во-вторых, хорошо изучайте культуру этого народа и помните, что порой то, что считается позитивным в вашей культуре, у других может вызывать негативные чувства. В-третьих, никогда не стройте слишком жесткие гипотезы. Наблюдайте факты, как они есть. В-четвертых, общайтесь не только с пожилыми респондентами, но и с молодыми людьми, даже если они плохо знают свой язык и культуру. Возможно, по сравнению со стариками у молодежи знаний меньше, но все равно они — носители данной культуры. Нужно учиться строить отношения с людьми разного возраста и пола, надо готовиться к этому. И обязательно общайтесь с людьми как можно больше и разнообразнее: ходите в гости, пейте чай в разных семьях, осматривайте внимательно дом или квартиру, куда вас пригласили, занимайтесь с местными людьми тем, чем они занимаются (ловлей рыбы, сбором дикоросов и т.д.). И не бойтесь потерять на это время. Бытовые разговоры и общие занятия могут также дать интересную информацию, которую за рабочим столом не всегда возможно уловить. И никогда не торопитесь с выводами.

Е.Б. Я советую будущим зарубежным исследователям прежде всего внимательно ознакомиться с тем, что сделано по изучаемому региону и исследуемой проблеме вашими предшественниками. Затем важно выучить русский язык и желательно язык народа, культуру которого Вы изучаете. Необходимо познакомиться с этикетом общения изучаемого народа, а также получить консультацию о регионе планируемых исследований у людей, хорошо его знающих. Находясь в поле, важно как можно больше общаться с людьми разных профессий, разных социальных и возрастных групп и не забывать о работе в местных библиотеках, архивах, музеях.